

ИСЛАМ В АБХАЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Т. А. Шанава

Министерство иностранных дел Республики Абхазия,
Республика Абхазия, 384900, Сухум, ул. Лакоба 21,

В рецензии дается критический анализ работы Д. В. Овсянникова «Влияние ислама на этнополитические процессы в Абхазии», опубликованной в журнале «Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС» (2015. № 1). Положительно оценивается проделанный автором обзор состояния ислама в Абхазии в исторической ретроспективе. В то же время отмечается, что сделанные им выводы и оценки, касающиеся положения ислама в постсоветской Абхазии, не соответствуют действительности и основаны преимущественно на отдельных выхваченных из контекста и тенденциозно толкуемых фактах, а в ряде случаев — на ложной или непроверенной информации. Констатируется, что многие стереотипы, присущие политизированной интерпретации «исламского фактора» в Абхазии, возникают большей частью в постсоветский период, когда в разгар грузино-абхазской войны (1992–1993 гг.) миф об «исламской угрозе» из Абхазии стал определенным элементом пропагандистской риторики грузинских властей в информационной войне против Абхазии. Несмотря на его очевидную несостоятельность, этот миф продолжает в той или иной форме эксплуатироваться, зачастую вследствие поверхностного рассмотрения внутриабхазского контекста. Занимая определенное место на конфессиональной карте Абхазии, ислам вместе с тем не является сколько-нибудь определяющим фактором внутривнутриполитической жизни республики. Объективных оснований для выдвижения предположений о некоей «угрозе» нарастания влияния ислама, тем более радикального ислама, на социально-политические процессы в республике не существует. В рецензии также подвергается критике трактовка Д. В. Овсянниковым ряда событий внутривнутриполитической жизни Республики Абхазия.

Ключевые слова: этническая идентичность, конфессиональный фактор, политическая мифология, этнополитические конфликты, Абхазия, грузино-абхазский конфликт.

Вопрос места и роли ислама в общественно-политической жизни Абхазии актуализировался в основном в постсоветский период, в частности во времена грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.¹ Интерес к данной проблематике обычно связывают с тем, что значительную помощь Абхазии в вооруженном конфликте с Грузией оказали исповедовавшие ислам добровольцы из республик Северного Кавказа, а также Турции и ряда стран Ближнего Востока. Упоминается и деятельность Конфедерации народов Кавказа, сыгравшей большую роль в привлечении добровольцев из северокавказских республик в охваченную войной Абхазию. В этом же контексте говорится и об определенном периоде

* Рецензия на статью: *Овсянников Д. В.* Влияние ислама на этнополитические процессы в Абхазии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11, № 1. С. 175–194.

¹ Существует определенный пласт научных исследований, как монографий, так и статей, посвященных роли и значению ислама в социальных процессах Абхазии в досоветский, советский и постсоветский периоды (Смыр, 1972; Смыр, 1994; Крылов, 2001; Крылов, 2004; Трапш, 2015; Чакветадзе, 2009; Эшба, 2013; Ярлыкапов, 2013).

исторического прошлого Абхазии, когда ислам занимал в стране значимые позиции, преимущественно в среде правящего сословия.

В совокупности эти отдельные исторические факты и события недавнего прошлого дают повод для выдвигания самых разнообразных, зачастую весьма далеких от реальности, произвольных и скороспелых версий о некоем «наступлении ислама» в постсоветской Абхазии в условиях кризиса советской идентичности, тенденциозных оценок, касающихся роли ислама в общественно-политической жизни закавказской республики. В ряде особо одиозных случаев (что в большей мере свойственно конъюнктурным грузинским историческим источникам и средствам массовой информации) грузино-абхазскому конфликту придавался характер едва ли не межцивилизационного противостояния по линии «христианство (Грузия) — ислам (Абхазия)». При этом «наступление ислама» в Закавказье в постсоветский период нередко рассматривается в контексте «геополитического противостояния России и Турции».

Как правило, подобные экзотические версии о некоей потенциальной «исламской угрозе» из Абхазии сочетаются с тенденциозной интерпретацией политических процессов в республике.

Некоторые из таких стереотипных подходов, на наш взгляд, в полной мере проявились и в статье кандидата исторических наук Д. В. Овсянникова.

Как следует из текста статьи, автор стремился охарактеризовать степень и роль влияния ислама на политические процессы в Абхазии в исторической ретроспективе, затем подвести итог сегодняшнему положению ислама в республике и раскрыть его потенциал.

Что касается первой задачи, то в целом можно сказать, что задача решена. Автором дан достаточно объективный анализ проникновения ислама на территорию Абхазии и его распространения (XVI–XVIII вв.). Рассматриваются перипетии династической борьбы в Абхазском княжестве в начале XIX в., имевшей определенную религиозную окраску. Говорится о снижении влияния «исламского фактора» после махаджирства (вторая половина XIX в.)². Констатируется, что в советский период сколько-нибудь значимой роли в социальной жизни Абхазии ислам не играл. В связи с этим справедливо указывается, что после установления советской власти «ислам фактически не был замечен» (с. 183).

Также верно отмечается, что для абхазов всегда было характерно преобладание этнической идентичности над религиозной³. В переломные исторические эпохи принятие той или иной религии в качестве официальной в зна-

² Не станем касаться скороспелых оценок, которые дает автор ряду представителей абхазской историографии. Отметим лишь то, что «исследователя Татырба» никто в научной среде Абхазии не знает. Кто скрывается за этим псевдонимом — нам неизвестно. Кроме того, весьма странно для серьезного историка выглядят утверждения о «факте» существования в Абхазии в XIX в. некоей «разведывательной сети глубокого залегания созданной британским дипломатом бароном Д. Урквартом среди махаджиров» со ссылкой на, мягко говоря, сомнительные источники из разряда конспирологической литературы (с. 185).

³ Преобладание этнической идентичности над религиозной характерно и для народов Северного Кавказа. Примером этого как раз и является феномен Конфедерации народов Кавказа.

чительной степени мотивировалось политическими соображениями правящей элиты, тогда как подавляющее большинство населения оставалось пассивным в религиозном отношении, придерживаясь своих традиционных верований (Крылов, 2001, с. 356).

Однако достаточно объективный анализ исторического прошлого резко диссонирует с весьма произвольными, не подкрепленными убедительной аргументацией выводами и оценками, касающимися положения ислама в постсоветской Абхазии. Опираясь на общеизвестные, но выхваченные из контекста и превратно толкуемые факты, автор приходит к необоснованным выводам, будто бы свидетельствующим об усилении «пресловутого исламского фактора» (по выражению историка) в Абхазии.

Категорически утверждается, что после 1993 г., т. е. после окончания грузино-абхазской войны, когда, по мнению автора, «абхазская постсоветская этническая идентичность стала ориентироваться на родственные в языковом плане народы Северного Кавказа», якобы произошло «усиление» исламского фактора «в дальнейших социальных процессах»⁴ (с. 183). Резонно задать вопрос: в чем же выразилась эта «переориентация» абхазской постсоветской этнической идентичности, о каких конкретно «дальнейших социальных процессах» идет речь и насколько существенную роль играет в них «исламский фактор»?

Как следует из текста статьи, «усиление» исламского фактора банально увязывается с прибытием в охваченную войной Абхазию добровольцев из республик Северного Кавказа, а также Турции и ряда стран Ближнего Востока. Однако не говорится о том, какие факторы сыграли решающую роль в привлечении добровольцев в Абхазию, и в более широком плане — в кооперации абхазского национального движения с аналогичными движениями на Северном Кавказе. Но если обратиться к событиям июля — августа 1989 г., когда на фоне первого грузино-абхазского столкновения и перед угрозой полного поглощения со стороны стремившейся к выходу из СССР национализирующейся Грузии в столице Абхазии происходит оформление Ассамблеи народов Кавказа, позже преобразованной в Конфедерацию народов Кавказа (далее также — КНК), то станет более ясен контекст, в котором происходило это сближение. Солидарность, проявленная лидерами Конфедерации народов Кавказа, носила никак не религиозный, но преимущественно этнополитический характер. Говоря об интересах различных этнических общностей, объединенных в КНК, А. Игнатенко и А. Салмин отмечали, что «эти интересы были сосредоточены по преимуществу, если не исключительно, на национальном самоопределении, национальной самозащите» (Игнатенко, Салмин, 1993, с. 97). По справедливому замечанию А. Ярлыкапова, «северокавказский фактор никак не мог стать конфессиональным в первую очередь потому, что как Конфедерация народов

⁴ Подобные категорические и безапелляционные высказывания встречаются в статье не единожды. В другом месте утверждается, что «ислам в Абхазии находится под серьезным внешним влиянием, прежде всего со стороны Турции» (с. 191). При этом примеры такого «серьезного внешнего влияния» в статье почему-то нигде не приводятся. Видимо, в это надо просто поверить.

Кавказа, выступившая за помощь абхазам, так и вообще добровольцы с Северного Кавказа воевали в Абхазии в первую очередь именно как кавказцы, а не как мусульмане. Для кабардинцев, адыгейцев, черкесов и абазин это был долг перед родственными им абхазами, которых они воспринимали как часть большого адыгского мира» (Ярлыкапов, 2013). Приток добровольцев в Абхазию был логичным ответом на возрастающую угрозу элиминации абхазской этнической идентичности в условиях набравшего силу в Грузии радикального национализма, и нет никаких оснований искать в этой по сути межэтнической солидарности некий «исламский след».

Точно так же нет оснований говорить о существенном возрастании роли ислама в Абхазии во время и после окончания грузино-абхазской войны. Вместе с тем с определенными оговорками можно вести речь об известном повышении роли религии в абхазском обществе в период военной угрозы. Но в данном случае нет оснований выделять какую-либо одну конфессию. По мнению известного абхазского исламоведа Г. Смыр, перед лицом войны 1992–1993 гг. абхазы стали проявлять сплоченность и в конфессиональной сфере, в частности путем совместного проведения христианского и мусульманского обрядов последователями обеих религий (Смыр, 1994, с. 11). О. Васильева и Т. Музаев отмечали, что «попытки придать характер межконфессионального противостояния на Кавказе, как в общественной жизни, так и в вооруженных столкновениях (абхазо-грузинских, осетино-ингушских), не выдерживают никакого серьезного рассмотрения» (Васильева, Музаев, 1994, с. 25). Говоря о постсоветском периоде, В. Шнирельман констатирует, что «в Абхазии не произошло того возрождения ислама, какое наблюдалось в 1990-х гг. в республиках Северного Кавказа» (Шнирельман, 2003, с. 455). Он справедливо отмечает, что более важную роль в абхазском обществе играет традиционная система ценностей (абх. *апсуара*). В 1990-е гг. наблюдалась даже отчетливая тенденция к ее кодификации. Не склонен преувеличивать «исламский фактор» в грузино-абхазском конфликте и Г. Дерлугьян (Дерлугьян, 2010, с. 418–419, 430–432).

Не представляются убедительными и другие приводимые историком примеры, с помощью которых он пытается обосновать свой тезис о «наступлении ислама в Абхазии» в постсоветский период. Так, в этом контексте вряд ли можно приводить в пример создание в 1999 г. Духовного управления мусульман Абхазии (далее — ДУМ) или функционирование в Гагре (до 2010 г.) Башаран-колледжа. Создание ДУМ лишь определило институциональные рамки для деятельности небольшой мусульманской общины Абхазии, тогда как учреждение Башаран-колледжа явилось частной образовательной инициативой. Выпускники данного колледжа получали сугубо светское образование. Подобные учебные заведения в 1990-е гг. активно функционировали и в России. Упомянутая Д. В. Овсянниковым программа репатриации абхазских соотечественников из Турции и стран Ближнего Востока (потомков махаджиров) в силу ряда объективных причин (от социально-экономических до этнокультурных) на сегодняшний день принесла довольно скромные результаты. Вместе с тем нет серьезных оснований видеть в реализации этой программы даже гипотетическую угрозу «исламизации» Абхазии.

Приводятся разные, порой весьма противоречивые данные о количестве мусульман в Абхазии. По свидетельству представителей мусульманской общины Абхазии, численность активных приверженцев ислама в республике составляет примерно 250 чел. (Эшба, 2013, с. 202). При этом следует иметь в виду, что основная часть исповедующих ислам в Абхазии — не коренное абхазское население, а те, кто приехал в республику для временного или постоянного проживания (представители северокавказских народов, а также турки, татары, башкиры, выходцы из Средней Азии). По словам современного исследователя, такое положение не должно удивлять, поскольку для большинства абхазских мусульман приверженность к исламу представляет собой в большей степени символическую дань традиции, нежели действительную веру (Эшба, 2013, с. 203).

Отдельного внимания заслуживает трактовка автором событий 2014 г. в Абхазии. В самом начале статьи недвусмысленно проводится параллель между украинским «майданом» и политическим кризисом в Сухуме в мае 2014 г. Эти события на Украине и в Абхазии, по мнению Д. В. Овсянникова, произошли «по внешне схожему сценарию» (с. 175). В чем заключался этот «сценарий» — остается неизвестным, так как автор ограничивается лишь этим поверхностным утверждением и больше данную тему предпочитает не затрагивать. В то же время трудно отделаться от мысли, что, говоря о «внешне схожем сценарии», Д. В. Овсянников пытается подвести к выводу о том, что «абхазский случай» представляет собой своеобразный кавказский вариант очередной «цветной революции» с неизбежными геополитическими последствиями как минимум в виде переориентации внешнеполитического курса страны. Между тем для всякого разбирающегося в политической жизни Абхазии наблюдателя совершенно очевидно, что события на Украине и в Абхазии были вызваны разными причинами и имели весьма мало общего. Однако в последнее время сложилась тенденция, в соответствии с которой любая политическая нестабильность на постсоветском пространстве рассматривается очередным проявлением «цветной революции». При этом почти не уделяется должного внимания анализу внутренних процессов в той или иной постсоветской республике. Достаточно хорошо знакомый с ситуацией в Абхазии эксперт-кавказовед резонно отмечает, что «внутриабхазские споры не несут критических рисков для Москвы. Они ведутся не вокруг геополитического выбора, а вокруг качества власти и управления» (Маркедонов, 2016). Он обращает внимание на то, что политические процессы в Абхазии имеют собственные причины, которые никак не связаны с вопросом о статусе республики, ее отношениями с Грузией, Россией, мировым сообществом в целом.

Желая во что бы то ни стало найти доказательства явного или тайного влияния Турции на политические процессы в Абхазии, Д. В. Овсянников весьма своеобразно трактует отдельные события 2014 г. Совершенно нелепо выглядит попытка связать победу Р. Д. Хаджимба в состоявшихся 24 августа 2014 г. президентских выборах с «помощью Турции, откуда были привезены около 1500 бюллетеней от граждан Абхазии из махаджиров, что, безусловно, стало одним из весомых факторов для победы именно в первом туре» (с. 190). Между тем,

по официальным данным ЦИК Абхазии, общее число избирателей, принявших участие в голосовании на избирательном участке в Стамбуле, составило всего 420 чел.⁵ При этом за кандидата Р. Д. Хаджимба проголосовало 307 чел. Для сравнения: общее число избирателей, принявших участие в голосовании на избирательном участке в Москве, — 840 чел., в Черкесске, — 1658 чел. В Москве за кандидата Р. Д. Хаджимба было отдано 382 голоса, в Черкесске — 1000 голосов⁶. Исходя из этих цифр, вряд ли можно утверждать, что полученные в Стамбуле голоса стали «весомым фактором победы в первом туре».

Особый (конспирологический) смысл придается приезду в Абхазию незадолго до майских событий 2014 г. группы журналистов из Турции (В Абхазию приехала..., 2014). Автор подводит к выводу, что журналисты прибыли в Абхазию вовсе не с теми целями, о которых было официально заявлено, но скорее с каким-то тайным заданием, видимо, направленным на подготовку «государственного переворота». Произошедшие спустя две недели события как будто подтвердили данный вывод автора. Однако вся загвоздка в том, что ни Турция, ни ее журналисты не имели к этим событиям никакого отношения. Но, видимо, в представлении Д. В. Овсянникова политические процессы в той или иной постсоветской стране не могут развиваться в рамках собственной политической логики, они непременно должны быть побочным продуктом какого-либо зарубежного влияния.

Не выдерживают никакой критики и приписываемые Д. В. Овсянниковым кандидатам в президенты Абхазии 2014 г. весьма своеобразные внешнеполитические ориентиры. Все четыре кандидата в президенты открыто заявляли, что стратегическое партнерство с Российской Федерацией — ключевой пункт внешней политики Абхазии. Более того, все четыре кандидата в своих предвыборных заявлениях делали упор на необходимость наращивания и укрепления российско-абхазских отношений путем заключения нового межгосударственного договора⁷.

Не может не удивлять и явно преувеличенный Д. В. Овсянниковым интерес Турции к Закавказью и вообще чрезмерная гиперболизация им российско-турецкого «противостояния». Отметим, что в данном случае речь идет не о XIX в., когда противостояние, в том числе военное, действительно имело место, поскольку интересы Османской империи на Кавказе были вполне осязаемые, а о конце XX — начале XXI в. Например, 1990-е гг. автор характеризует не много ни мало как «возвращение Турции на Кавказ». В чем выразилось это «воз-

⁵ Во время выборов президента Абхазии в 2014 г. избирательные участки за пределами республики были открыты в Москве, Черкесске и Стамбуле.

⁶ Протоколы участковых избирательных комиссий о результатах голосования на выборах Президента Республики Абхазия, 24 августа 2014 г. // Центральная избирательная комиссия Республики Абхазия. Личный архив автора.

⁷ 24 ноября 2014 г. в Сочи президентами Республики Абхазия и Российской Федерации был подписан Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве, предусматривающий, помимо прочего, создание общего пространства обороны и безопасности, проведение скоординированной внешней политики, формирование общего социального и экономического пространства.

вращение» — неизвестно. Между тем хорошо известно, что Анкара, возможно, и питала определенные надежды на распространение своего влияния в бывших советских республиках Закавказья, но этим надеждам не суждено было осуществиться (Спорные границы на Кавказе, 1996, с. 199–212). Турция так и не стала ведущей державой в регионе и оказалась неспособной бросить вызов России. Она не играла никакой активной роли ни в одном из этнополитических конфликтов, полыхавших в 1990-е гг. в Закавказье. Анкара не вмешивалась активно на стороне Азербайджана даже в нагорнокарабахский конфликт, несмотря на широко распространенные среди турок симпатии к делу азербайджанцев, и не была признана в качестве участника переговорного процесса по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе (Менон, 1999, с. 68). Разумеется, можно с полным основанием вести речь о возрастающей роли турецкого бизнеса в республиках Закавказья, в частности в Грузии и Азербайджане, определенной активности Анкары на закавказском направлении. Но можно ли рассматривать эти тенденции в плоскости масштабного «геополитического противостояния»? Российско-турецкие отношения на современном этапе, несмотря на имеющиеся противоречия на ближневосточном направлении, в целом имеют значительный потенциал для взаимовыгодного развития, прежде всего в торгово-экономической и энергетической сферах, и вряд ли оправданно рассматривать их в терминах перманентной «борьбы за влияние».

В ряде случаев автором статьи используются откровенно ложные сведения из сомнительных источников. Так, утверждается, что некая С. И. Кадахишвили (Джергения), по словам автора, активно участвовавшая в Тбилиси в работе Чеченско-Кавказского комитета Грузии, приходится «вдовой президента Ардзинбы» (с. 187). На самом деле упоминаемая им Кадахишвили (Джергения) не имеет никакого отношения к семье первого президента Абхазии Владислава Ардзинбы. Видимо, речь идет о проживающей в Грузии однофамилице. В связи с этим хотелось бы призвать автора статьи тщательнее проверять источники информации и не позволять себе порочить граждан республики.

Какие выводы можно сделать из вышеизложенного? Представляется, что, подобрав отдельные общеизвестные факты, а также используя сомнительные источники, автор пытается неоправданно гиперболизировать «исламский фактор» в социальной жизни Абхазии. Между тем объективных оснований для выдвижения разного рода предположений о некоей угрозе нарастания влияния ислама на социально-политические процессы в Республике Абхазия не существует. Характерно, что рассуждая в конце своей статьи о «потенциале» ислама в Абхазии, Д. В. Овсянников, с одной стороны, все же признает, что «исламский проект» не имеет под собой почвы в Абхазии, но с другой — не исключает того, что под исламскими лозунгами могут выступить некие «преступные террористические силы». При этом не обходится без постоянного упоминания мифических «протурецких сил» и некоего «внешнего влияния». Делать вывод о потенциале, т. е. социальной значимости той или иной конфессии на основании того, что ею могут прикрыться некие преступные силы, — по меньшей мере странный аргумент. С таким же успехом можно сказать о любой стране, где есть некоторое количество приверженцев мусульманской религии.

Едва ли вообще оправданно и корректно воспринимать возможный незначительный рост приверженцев ислама в качестве некоей гипотетической угрозы. Восприятие ислама в качестве угрозы и соответствующая реакция на него могут возникнуть в том случае, если будут наблюдаться тенденции, свидетельствующие о его политизации и радикализации.

Занимая определенное место на конфессиональной карте Абхазии, ислам вместе с тем не является сколько-нибудь определяющим фактором политической и общественной жизни республики. С известными оговорками это можно сказать и о любой другой конфессии⁸. Представители небольшой мусульманской общины Абхазии в целом пользуются тем же комплексом прав, что и все остальные граждане, независимо от конфессиональной принадлежности. Любому человеку, близко знакомому с Абхазией, хорошо известно, что местному населению противоречия и конфликты на религиозной почве абсолютно чужды (Цвижба, 2011). Для этого здесь нет серьезных оснований. За прошедшее после войны 1992–1993 гг. время не было случая, когда интересы той или иной конфессии оказали бы серьезное влияние на общественно-политические процессы. Вместе с тем, по словам мусульманских активистов республики, существуют вопросы, нуждающиеся в разрешении (Дзыба, 2017).

Несмотря на очевидные факты, рожденный в период грузино-абхазского конфликта усилиями грузинских СМИ миф об «исламской угрозе» из Абхазии продолжает время от времени педалировать некоторыми журналистами и наблюдателями, склонными к легкому восприятию политической мифологии. Причины востребованности этого мифа в Грузии в период военных действий в Абхазии уже давно получили адекватное объяснение. По справедливому замечанию О. Васильевой и Т. Музаева, «в Грузии “исламский фундаментализм” стал удобной ширмой для объяснения западному сообществу военной экспансии в Абхазии» (Васильева, Музаев, 1994, с. 25–26). В связи с этим Ярлыкапов также верно отмечает, что «официальной грузинской пропаганде было очень выгодно изобразить непокорных абхазов преимущественно мусульманским народом, который воюет с православным грузинским народом» (Ярлыкапов, 2013). Запущенный штамп о «зеленом поясе» вокруг христианской Грузии, по его словам, в свое время находил довольно много сторонников и в российских кругах. Не хотелось бы, чтобы стараниями молодых историков этот уже отживший пропагандистский штамп начал муссироваться и находить новых сторонников.

Чаще всего этот миф, однако, повторяется (и додумывается) в силу незнания реального положения дел в стране или поверхностного изучения внутреннего контекста (см., напр.: Амелина, 2009). Как уже отмечалось, это чаще всего сочетается с тенденциозным освещением внутривнутриполитических процессов в республике. Иногда это находит выражение в интерпретации политических процессов в Абхазии в терминах противостояния «пророссийских», «протурецких», «прозападных» или даже «прогрузинских» сил, что в действительности имеет весьма далекое отношение к реальности (Скаков, 2015). Приходится также на-

⁸ Необходимо при этом учитывать особую роль и значение православной церкви в социальной жизни постсоветской Абхазии.

блюдать, что иногда рассмотрение ситуации в Абхазии становится лишь дополнительным *case study* для молодых исследователей, начинающих научную карьеру. При этом оказывается, что такие исследования готовятся с определенным ущербом для научной объективности, поскольку важным представляется не раскрыть полностью специфику отдельного случая, но охватить и рассмотреть под определенным углом зрения как можно больше внешне похожих «кейсов» (если, например, исследуется «исламский фактор» в республиках Северного Кавказа, где он действительно играет важную роль, то почему бы заодно не исследовать тот же фактор и в расположенной поблизости Абхазии, благо ислам занимал там когда-то определенные позиции). Однако при таком подходе нельзя забывать: то, что применимо к одним случаям (республики Северного Кавказа), может быть совершенно неприменимо к другим (Республика Абхазия).

Вышесказанное вовсе не означает, что положение ислама в Абхазии, как, впрочем, и в целом конфессиональная ситуация в республике, не заслуживает изучения, — эта тема нуждается в серьезном научном исследовании, свободном от поверхностного рассмотрения и произвольных, необоснованных оценок. Нельзя принижать или замалчивать факт наличия исламской конфессии в Абхазии. Напротив, необходимо отметить, что ислам является определенной частью поликонфессиональной и многонациональной социальной структуры современной Республики Абхазия. Но попытки выстраивать наукообразные гипотезы на тему конфессиональной ситуации в Абхазии, опирающиеся на своеобразно интерпретируемые факты с изрядной примесью конспирологии, никак не способствуют серьезному осмыслению данной темы. Едва ли такие исследования могут послужить адекватному отражению и восприятию происходящих в республике общественно-политических процессов.

Литература

Амелина Я. «Исламизация» Абхазии: дутая сенсация (21.02.2009). URL: <http://otechestvoua.org/main/20092/2105.htm> (дата обращения: 21.04.2017).

В Абхазию приехала делегация Федерации журналистов Турции (09.05.2014). URL: <http://apsnypress.org/news/v-abkhaziyu-priekhala-delegatsiya-federatsii-zhurnalistov-turtsii/> (дата обращения: 21.04.2017).

Васильева О., Музаев Т. Северный Кавказ в поисках региональной идеологии. М.: Прогресс, 1994. 67 с.

Дзыба Т. Отношение к мусульманам в Абхазии прекрасное (19.12.2017). URL: <http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20171219/1022705408/timurdzybaotnosheniekmusulmanamvabhaziiprekrasnoe.html> (дата обращения: 20.12.2017).

Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. 560 с.

Игнатенко А. А., Салмин А. М. Конфедерация народов Кавказа в политическом контексте Кавказского региона // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 9. С. 96–107.

Крылов А. Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.). М.: ИВ РАН, 2001. 404 с.

Крылов А. Б. Секрет абхазской веротерпимости // Новая газета — Религия. 2004. 17 марта. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2004-03-17/4_abkhazia.html (дата обращения: 21.04.2017).

Маркедонов С. Почему абхазские майданы не связаны с геополитикой (15.07.2016). URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64094> (дата обращения: 21.04.2017).

Менон Р. После империи: Россия и южная часть ближнего зарубежья // США — Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 7. С. 50–72.

Скаков А. Абхазская политика: взгляд из России (17.12.2015). URL: <http://sputnik-abkhazia.ru/columnists/20151217/1016629601.html> (дата обращения: 21.04.2017).

Смыр Г. В. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тбилиси: Мецниереба, 1972. 224 с.

Смыр Г. В. Исламский фактор в Абхазии и на Северном Кавказе: правда и домыслы. Гагра, 1994. 43 с.

Спорные границы на Кавказе / под ред. Б. Коппитерса. М.: Весь мир, 1996. 225 с.

Трапш Н. А. Ислам на Юге России и в постсоветской Абхазии: традиционные проблемы и новые возможности // Религия и политика на Юге России: аспекты взаимодействия. М., 2015. С. 42–53.

Цвижба З. Мусульмане живут одной жизнью с народом // Республика Абхазия. 2011. 4 июля. № 73. С. 2.

Чакветадзе Г. В. Конфессиональные аспекты этнической культуры народов современной Абхазии. Карачаевск; Сухум: КЧГУ — ИНОА, 2009. 208 с.

Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 592 с.

Эшба Э. Д. Религиозный облик Абхазии. История и современность // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН / отв. ред. А. Ю. Скаков. Т. I: Абхазия. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 190–208.

Ярлыкапов А. «Исламский фактор» в современной Абхазии (10.12.2013). URL: <http://caucasustimes.com/ru/islamskij-faktor-v-sovremennoj-abh/> (дата обращения: 21.04.2017).

Шанава Тимур Александрович — канд. полит. наук; timur.apsny@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 22 мая 2018 г.;

рекомендована в печать: 1 ноября 2018 г.

Для цитирования: Шанава Т. А. Ислам в Абхазии: история и современность // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 3. С. 426–437. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.308>

ISLAM IN ABKHAZIA: HISTORY AND MODERNITY

Timur A. Shanava

Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Abkhazia,
21, Lakoba st., Sukhum, 384900, Republic of Abkhazia; timur.apsny@mail.ru

The article gives a critical analysis of the work of D. V. Ovsyannikov “The influence of Islam on the ethno-political processes in Abkhazia”, published in no. 1 for 2015 in the journal “Political Examination: POLITEX”. The author’s review of the state of Islam in Abkhazia in historical retrospect is positively assessed. At the same time, it is noted that his conclusions and assessments concerning the situation of Islam in post-Soviet Abkhazia are untrue and based mainly on the isolated facts snatched from the context and biased facts and in some cases — on false or unverified information. Islam is not a decisive factor in the political life of the republic at the same time occupying a certain place on the confessional map of Abkhazia. There are no objective grounds for making any assumptions on a certain threat of the growing influence of Islam, and even more, the radical Islam on socio-political processes in the republic does not exist. The article also criticizes the interpretation of D. V. Ovsyannikov of a number of events in the internal political life of the Republic of Abkhazia.

Keywords: ethnic identity, confessional factor, political mythology, ethno-political conflicts, Abkhazia, Georgian-Abkhaz conflict.

References

- Amelina Y. «Islamizatsiia» Abkhazii: dutaia sensatsiia (21.02.2009) [“Islamization” of Abkhazia: exaggerated sensation (21.02.2009)]. Available at: <http://otechestvoua.org/main/20092/2105.htm> (accessed: 21.04.2017). (In Russian)
- Chakvetadze G. V. *Konfessional'nye aspekty etnicheskoi kul'tury narodov sovremennoi Abkhazii* [Religious aspects of the ethnic culture of the peoples of present-day Abkhazia]. Karachaevsk; Sukhum, KCHGU — INOA Publ., 2009. 208 p. (In Russian)
- Dziba T. *Otnoshenie k musul'manam v Abkhazii prekrasnoe* (19.12.2017) [The attitude to Muslims in Abkhazia is beautiful]. Available at: <http://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20171219/1022705408/timurdybaotnosheniemukmusulmanamvabxaziiprekrasnoe.html> (accessed: 20.12.2017). (In Russian)
- Derlugian G. *Adept Burd'e na Kavkaze: Eskizy k biografii v mirosistemnoi perspektive* [Adept Bourdieu in the Caucasus: Sketches for a biography in world-system perspective]. Moscow, Publishing house “Territory of the future”, 2010. 560 p. (In Russian)
- Eshba E.D. Religiozniy oblik Abkhazii. Istoriia i sovremennost' [Religious appearance of Abkhazia. History and Modernity]. *Uchenye zapiski Tsentra izucheniia Tsentral'noi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ia IV RAN* [Uchenye zapiski Tsentral'nogo iskusstva Tsentral'noi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ia IV RAN]. Ed. by A.Y. Skakov. Vol. I: Abkhazia. Moscow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 2013, pp. 190–208. (In Russian)
- Ignatenko A. A., Salmin A. M. Konfederatsiia narodov Kavkaza v politicheskom kontekste Kavkazskogo regiona [Confederation of the Caucasian peoples in the political context of the Caucasus region]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World economy and international relations]. 1993, no. 9, pp. 96–107. (In Russian)
- Krylov A. B. *Religiia i traditsii abkhazov (po materialam polevykh issledovaniy 1994–2000 gg.)* [The Religion and traditions of Abkhazians (on materials of field researches 1994–2000)]. Moscow, RAS Institute of Oriental studies Publ., 2001. 404 p. (In Russian)
- Krylov A. B. Sekret abkhazskoi veroterpimosti [The Secret of Abkhazian Tolerance]. *Novaia gazeta — Religiia* [New newspaper — Religion]. Available at: http://www.ng.ru/ng_religii/2004-03-17/4_abkhazia.html (accessed: 21.04.2017). (In Russian)
- Markedonov S. *Pochemu abkhazskie maidany ne svyazany s geopolitiko* (15.07.2016) [Why the Abkhazian “revolutions” is not associated with geopolitics (15.07.2016)]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64094> (accessed: 21.04.2017). (In Russian)
- Menon R. Posle imperii: Rossiia i iuzhnaia chast' blizhnego zarubezh'ia [After Empire: Russia and the Southern “Near Abroad”]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA — Canada: Economics, Politics, Culture]. 1999, no. 7, pp. 50–72. (In Russian)
- Skakov A. *Abkhazskaia politika: vzgliad iz Rossii* (17.12.2015) [Abkhazian policy: a view from Russia (17.12.2015)]. Available at: <http://sputnik-abkhazia.ru/columnists/20151217/1016629601.html> (accessed: 21.04.2017). (In Russian)
- Smyr G. V. *Islam v Abkhazii i puti preodoleniia ego perezhitkov v sovremennykh usloviakh* [Islam in Abkhazia and ways to overcome its survivals in the modern conditions]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1972. 224 p. (In Russian)
- Smyr G. V. *Islamskii faktor v Abkhazii i na Severnom Kavkaze: pravda i domysly* [Islamic factor in Abkhazia and the North Caucasus: Truth and Fabrications]. Gagra, 1994. 43 p. (In Russian)
- Spornye granitsy na Kavkaze* [Contested borders in the Caucasus]. Ed. by B. Coppieters. Moscow, The Whole world Publ., 1996. 225 p. (In Russian)
- Trapsh N. A. Islam na luge Rossii i v postsovetsoi Abkhazii: traditsionnye problemy i novye vozmozhnosti [Islam in the South of Russia and in Post-Soviet Abkhazia: Traditional Problems and New Opportunities]. *Religiia i politika na luge Rossii: aspekty vzaimodeistviia* [Religion and Politics in the South of Russia: Aspects of Interaction]. Moscow, 2015, pp. 42–53. (In Russian)
- Tsvizhba Z. Musul'mane zhivut odnoi zhizn'iu s narodom [Muslims live the same life as the people]. *Respublika Abkhazia* [The Republic of Abkhazia]. 2011, 4th of July, no. 73, p. 2. (In Russian)
- Shnirelman V. A. *Voiny pamiati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [The Wars of memory: myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow, Akademkniga Publ., 2003. 592 p. (In Russian)

V Abkhaziiu priekhala delegatsiia Federatsii zhurnalistov Turtsii (09.05.2014) [*Delegation of the Federation of Journalists of Turkey arrived in Abkhazia*]. Available at: <http://apsnypress.org/news/v-abkhaziyu-priekhala-delegatsiya-federatsii-zhurnalistov-turtsii/> (accessed: 21.04.2017). (In Russian)

Vassilieva O., Muzaev T. *Severnyi Kavkaz v poiskakh regional'noi ideologii* [*North Caucasus in search of regional ideology*]. Moscow, Progress Publ., 1994. 67 p. (In Russian)

Yarlykapov A. «*Islamskii faktor*» v sovremennoi Abkhazii (10.12.2013) [*"Islamic factor" in modern Abkhazia*]. Available at: <http://caucasustimes.com/ru/islamskij-faktor-v-sovremennoj-abh/> (accessed: 21.04.2017) (In Russian)

Received: May 22, 2018

Accepted: November 1, 2018

For citation: Shanava T.A. Islam in Abkhazia: history and modernity. *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 3, pp. 426–437. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.308> (In Russian)